

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631
В67

Волкова Ирина Владимировна, доктор исторических наук,
профессор НИУ ВШЭ

Научное издание

Волкова, Ирина Владимировна.

В67 Четвертая империя : заговор наркомовских детей / Ирина Волкова. — Москва : Родина, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-00180-870-1

Вечером 3 июня 1943 г. в Москве на лестнице Большого Каменного моста сын наркома авиационной промышленности СССР А.И. Шахурина сначала застрелил свою подругу Нину — дочь советского посла в Мексике Константина Уманского, а затем застрелился сам. В ходе расследования выяснилось, что Володя Шахурин руководил юношеской антисоветской организацией, называвшейся «Четвертая империя». В эту организацию входили дети высшей советской партийно-правительственной элиты. Говорят, что Сталин, выслушав доклад об итогах расследования, сказал коротко: «Волчата».

История центральный сюжет романа А. Терехова «Каменный мост», получившего в 2009 г. премию «Большая книга». В 2020 г. был снят сериал «Волк» посвященный «Делу волчат».

На основе документов из следственного дела Р-788 «Четвертая империя» (Центральный архив ФСБ РФ) автор реконструировал события, предшествующие выстрелам на лестнице Большого Каменного моста.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-00180-870-1

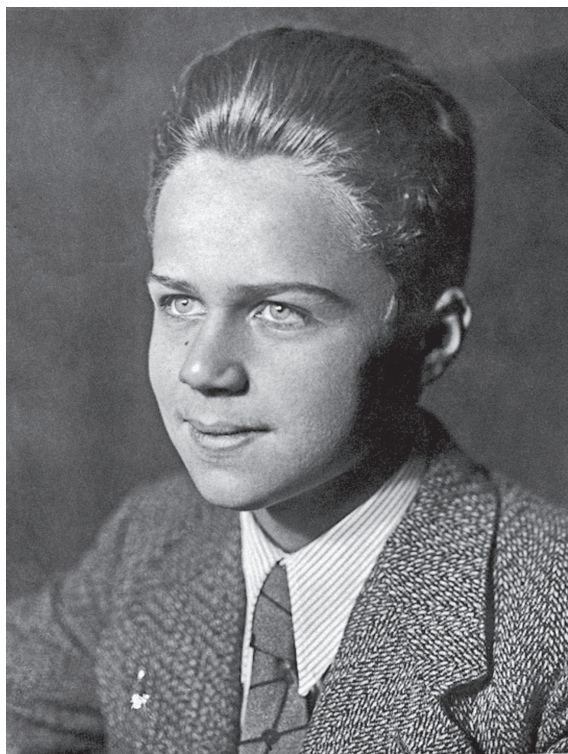
© Волкова И.В., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. ЧП на Каменном мосту: от предпосылок до развязки	
1.1. Место действия — 175-я школа Москвы	11
1.2. Володя Шахурин в школе и дома	20
1.3. Зачем Володя Шахурин создал «фашистскую» организацию и почему товарищи ее поддержали?	31
1.4. Володя плюс Ваню плюс Нина равняется...	37
Глава 2. Кейс «Четвертой империи» на фоне самоорганизации школьников 1930-х — начала 1940-х гг.	49
2.1. В поисках ниши свободного общения и творчества	52
2.2. «Постыдные» влечения в контексте делинквентной самоорганизации	55
2.3. Банды в конфронтации и симбиозе с государством	59
2.4. Что скрывалось за подростково-юношеской политической самоорганизацией?	63
Сокращения	75
Источники	76
Библиография	78
ЦА ФСБ. Дело Р -788. Т.1	82
Следственные материалы по делу участников организации «Четвертая империя». Июль 1943 г.	82
Уголовное дело Р-788-«Четвертая империя». Т. 2	147
Примечания	371

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вечером 3 июня 1943 г. на лестнице Большого Каменного моста прогремели два выстрела, а подоспевшие к месту происшествия через самое короткое время случайные прохожие обнаружили истекающих кровью подростков — девочку, которая умерла на месте, и мальчика, который, не приходя в сознание, скончался через двое суток в больнице. Возможно, это событие не вышло бы за пределы городской хроники несчастных случаев, если бы не два обстоятельства. Первое: убитой девочкой была дочь советского посла в Мексике Константина Уманского — Нина, а стрелявшим в нее, а потом и в себя мальчиком — сын наркома авиационной промышленности СССР А.И. Шахурина. Второе: по ходу первого расследования, которое возглавил начальник следственного отдела прокуратуры СССР (а по совместительству автор детективных романов) Л.Р. Шейнин, вскрылось, что Володя Шахурин руководил юношеской антисоветской фашистской организацией, называвшейся «Четвертый Рейх». Настоящим потрясением для следователей явился тот факт, что в эту организацию входили дети высшей советской партийно-правительственной элиты: двое сыновей А.И. Микояна, племянник Сталина по жене, сын видного чекиста С. Реденса, сын зампреда Госплана в ранге наркома П. Кирпичникова, сын начальника секретариата Микояна А. Барабанова, сын близкого сотрудника К.Е. Ворошилова генерал-лейтенанта Р. Хмельницкого, сын главного хирурга эвакогоспиталей Москвы и Лечебно-санитарного управления Кремля А.Н. Бакулева, племянник дружественного СССР американского миллиардера А. Гаммера. После выявления этого факта дело было передано в НКГБ, а участники организации были помещены во внутреннюю тюрьму Лубянки.

Володя Шахурин

По итогам второго следствия, которое провели начальник Следственной части Л.Е. Влодзимирский и заместитель начальника 2-го управления НКГБ СССР Н.С. Сазыкин, было установлено, что члены группы намеревались совершить государственный переворот после войны. К тому времени они должны были бы вступить в совершеннолетие, а в стране, по их расчетам, должны были бы созреть подходящие условия для осуществления намеченного плана — массовое недовольство из-за разрухи и дефицита всех материальных благ. Захваченную власть предполагалось направить на восстановление прав частной собственности и создание конкурентной экономи-

ческой среды, способной принести товарное изобилие и развитую индустрию развлечений в СССР. Ожидалось, что удастся вступить в сговор с Японией и получить от нее военную помощь в обмен на советский Дальний Восток. В полете мечты подростки задумывались и о создании мирового правительства, которое содействовало бы установлению мира без границ, со специализацией каждого государства на наиболее подходящем для него виде деятельности.

Нина Уманская

Так, в этом глобальном общежитии Германии отводилась роль поставщика вооруженной силы (надо думать, предназначенной для наказания непокорных членов мирового сообщества): по мнению подростков, немцы располагали лучшей в мире армией, а Франции предстояло стать одним большим кафешантаном.

Откровения отпрысков «советской знати» были строго засекречены, а сам ход следствия был взят под особый контроль главы НКГБ СССР В. Меркулова. Доклады по нему направлялись лично Сталину, Молотову и Берии. После одного из них Сталин дал хлесткое определение фигурантам дела — «волчата». Вместе с тем, следствие не усмотрело связи между деятельностью «Четвертой империи» и гибелью двух подростков на Каменном мосту. Было сделано заключение, что трагедия произошла на романтической почве: девочке предстояло уехать вместе с родителями в Мексику, а мальчик, не желая расставаться с предметом своей страсти, убил ее и затем покончил с собой.

Данная история, в которой переплелись политическая интрига и любовная драма, давно привлекала внимание журналистов и писателей, ей посвящены журналистские очерки Л. Репина, О. Кучкиной, В. Мещерякова и др. Она составила центральный сюжет романа А. Терехова «Каменный мост», получившего в 2009 г. премию «Большая книга». По мотивам романа Терехова в 2020 г. был снят сериал «Волк», также вызвавший большой интерес зрителей. Однако ввиду того, что ни один из писавших или снимавших на эту тему авторов не изучал подлинных документов, находящихся в Центральной Архиве ФСБ, эта история обросла массой домыслов и вымыслов, а многое из того, что в ней реально присутствовало, осталось неизвестным.

На основе подлинных материалов дела «Четвертой империи» автор представленной книги выстраивает свою версию событий, отличную от той, которая приводится в опубликованных журналистских расследованиях и рома-

не А. Терехова. Впрочем, у читателя есть возможность составить собственное представление об участниках организации, «услышать» их голоса и аутентичные признания, воссоздать облик предводителя подростковой группы В. Шахурин и установить, была ли связь между активностью его организации и происшествием на Каменном мосту. А заодно узнать много интересных деталей об условиях жизни советской элиты военного времени, интересах и занятиях детей из этого круга. Книга может быть интересна для всех любителей истории, историков, учителей, родителей.

Публикацию документов предваряет исторический очерк об элитной 175-й школе Москвы, ее учениках, В. Шахурине и его группе. Для анализа этой необычной организации привлекается материал о детско-юношеской самоорганизации 1930-х — начала 1940-х гг., что позволяет сравнить ее с другими конспиративными объединениями подростков, строившимися в обход школы, пионерии и комсомола.

*Волкова Ирина Владимировна,
доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ*

ГЛАВА 1. ЧП НА КАМЕННОМ МОСТУ: ОТ ПРЕДПОСЫЛОК ДО РАЗВЯЗКИ

1.1. Место действия — 175-я школа Москвы

Опытно-показательная, или образцовая школа №25 (с 1937 г. — №175) по праву считалась «советским лицеем», и многие высокопоставленные чиновники, артисты, ученые, лауреаты государственных премий предпочитали здесь обучать своих отпрысков¹. Упразднение образцовых школ в апреле 1937 г. — в видах уравнивания возможностей детей в получении образования — мало что изменило. По данным Московского городского отдела народного образования (далее Мосгороно) на 1 февраля 1941 г. 175-я входила в тройку лучших школ столицы, где успеваемость приближалась к 100 %². Школа по-прежнему придерживалась высоких стандартов в преподавании базовых дисциплин и содействовала раскрытию талантов своих питомцев. В распоряжении последних была библиотека из 12 тыс. томов и подписка на 40 периодических изданий. В школе действовали кружки и секции, отвечающие самым разнообразным запросам: литературный, авиамоделирования и автомобильного моделирования, радио и электротехники, фотографии, спортивные секции, школьные театр, оркестр и даже интернациональный клуб по переписке со сверстниками за рубежом³. Благодаря щедрым шефствующим организациям — газете «Известия», Союзу кооперации, Наркомлеса — эта школа имела не только все необходимое, но порой и избыточное оснащение. Так, по свидетельству комсорга школы П. Васильева, в 1936 г. на 2 тыс. руб. были закуплены явно лишние приборы, которые не использовались на уроках и пылились на полу лаборатории физического кабинета⁴. И это на фоне того, что школы Москвы в подавляющем большинстве, как призна-

вался заведующий Мосгоруно, были «оборудованы значительно хуже, чем старые гимназии и реальные училища»⁵.

Отличный состав педагогов этой школы удерживался благодаря повышенной зарплате и преимуществам, которые обеспечивала близость к власти. Как доносил тот же комсорг, директриса Н.И. Гроза в любой момент могла набрать номер телефона райвноторга или другой структуры и затребовать любой ресурс, в котором нуждалась школа. Для этого было достаточно упомянуть имя одного из родителей: «К нам на днях придет Молотов, его дочь учится у нас, и нам нужно подготовить школу»⁶. Однако при этом школа не подстраивалась под детей с громкими и даже внушающими трепет фамилиями. А учителя не боялись заходить за «красную черту» в преподавании своего предмета и в манере общения с учащимися. Например, словесница А.А. Яснопольская по старорежимному обращалась к ученикам «господа», курила на уроках, знакомила старшекласников с отсутствующей в школьной программе литературой Серебряного века. Непродуманный или глупый ответ любого ученика она сразу же пресекала словами: «Сядьте, завяньте», — и еще рукой показывала, как следует «завянуть»⁷. Известный математик Ю.О. Гурвиц, вопреки возложенной на учителя обязанности подтягивать отстающих учеников, публично заявлял о том, что не считает нужным тратить свое время на закоренелых двоечников⁸.

Оценки за знания и поведение выставлялись справедливо, а репутация, которой пользовался ученик, являлась вполне заслуженной. Например, Вася Сталин часто получал нарекания за поведение и двойки за невыученные уроки. В то же время среди соучеников он слыл хорошим товарищем и общественником, поэтому на комсомольском собрании был единогласно принят в ВЛКСМ. А на вопрос о роде занятий отца на том же собрании сдержанно ответил: «Партийный работник»⁹. Скромной и доброй девочкой запомнилась его сестра Светлана, старшая ничем

не выделяться из общей массы, но в отличие от брата хорошо учившаяся¹⁰.

Равенство, демократизм, товарищество были не показными качествами этого учебного заведения. Если детей привозили на автомобилях, то высаживали не у входа, а подальше, так что какое-то расстояние именитые ученики шли пешком, наравне с другими, жившими поблизости или добиравшимися на общественном транспорте. Не поощрялось ношение одежды, подчеркивавшей особый статус родителей или хотя бы более высокий достаток семьи, чем у большинства. В детском коллективе были развиты взаимопомощь и взаимовыручка. Когда у Риммы МакМаевской были арестованы родители, она стала, по собственному признанию, «дочерью школы»: родительский комитет, учителя и товарищи помогали действительно и тактично. Когда же выяснилось, что у нее нет другого платья, кроме того, что она носила ежедневно, — красного в белый горох, и из-за этого она не сможет прийти на выпускной вечер в 1940 г., то все ее одноклассницы разом отказались от белых платьев, уже пошитых или заказанных, и подобрали себе другие, в тон ее¹¹.

Не случайно именно эту школу выбрал в качестве объекта исследования известный американский историк образования Л. Холмс. Изучив много документов и проведя 36 интервью с еще живыми в 1990-е гг. учащимися 1930-х гг., он пришел к неожиданным выводам. Во-первых, при жестком дисциплинарном порядке, который соблюдался в школе, допускалась определенная доля гуманной спонтанности в реакциях и действиях учащихся, что способствовало восприятию ими школы как второго дома¹². Во-вторых, невзирая на моральный урон, нанесенный Большим террором, все учащиеся продолжали верить в коммунистический идеал и разделяли советские ценности. Одна из бывших учениц выразила это так: «Для нас небо царской России было серым, а социалистическое — голубым»¹³. По мнению Холмса, школьная работа помогала ребенку установить свою связь с обществом и государством и отвеча-

ла официальным планам преобразования человека и общества¹⁴.

Этот корабль из детских интересов, чаяний, шалостей, а также проблем и забот педагогов уверенно вела директор Н.И. Гроза, пользовавшаяся непререкаемым авторитетом в стенах школы, вместе с симпатичным и добродушным завучем А.С. Толстовым. В 1936 г. в связи с 25-летием деятельности на ниве просвещения Моссовет установил Грозе персональную ставку в размере 800 рублей, а Горно выплатило единовременную премию в 3 три тыс. рублей¹⁵. Но на этом счастливая полоса в жизни и карьере Н.И. Грозы закончилась. В конце 1936/1937 учебного года разразился громкий скандал: завуч школы по секрету заранее сообщил одной из десятиклассниц темы выпускного сочинения. Вскоре о них знал весь класс, блестяще сдавший письменный экзамен. Однако нашлась ученица, которая вывела на чистую воду этот маленький «заговор» завуча и выпускников. В результате Толстов был снят с должности, а Грозе, члену партии с 1918 г., решением комиссии партийного контроля был объявлен строгий выговор с предупреждением¹⁶. В 1937 г. был осужден на 10 лет и сослан на Котлас муж Нины Иосафовны — И.Р. Гроза, а вскоре и сама она как член семьи «врага народа» была вынуждена оставить свое детище. В последующие годы она директорствовала в менее престижной школе, а во время войны занималась эвакуацией и обеспечением жизни и учебы московских детей в Пермском крае¹⁷.

С приходом в 1938 г. нового директора О.Ф. Леоновой, преподававшей в начальных классах и бывшей первой учительницы Светланы Сталиной, порядки в школе стали стремительно меняться и не в лучшую сторону. Дочь рабочего-маляра и швеи, она в выступлениях перед школьниками не упускала случая вспомнить про свое тусклое детство, дабы на контрасте подчеркнуть богатство возможностей, предоставленное для развития советской детворе. В конце концов, услышав в очередной раз надоевший зачин: «Глядя на вас, я вспоминаю свое дет-

ство», ученики прыскали в кулак. Не обладая твердостью своей предшественницы, новая директриса не могла, а, возможно, и не хотела противостоять заискиваниям отдельных работников и гостей школы перед детьми очень влиятельных родителей. Так, по воспоминаниям дочери немецких коммунистов — Вильтраут Шелике, жившей с родителями в Москве и обучавшейся в той самой школе, с ведома директора в школу завезли эксклюзивную парту — лакированную, с разнообразными приспособлениями для школьных принадлежностей. Класная руководительница объявила, что это чудо предназначено для Светы Молотовой и еще одной лучшей ученицы класса. Это решение привело в негодование остальных детей: «... мы привыкли. Мы смотрели волком на нарушение равенства. Это не по-советски!» — передавала тогдашнюю реакцию своих соучеников мемуаристка¹⁸. Чтобы не доводить дело до открытого возмущения, парту убрали с глаз долой.

Однако казусы такого рода происходили и дальше. Так, приглашенный в школу знаменитый полярник И.Д. Папанин бесповоротно лишился авторитета в глазах учащихся заявлением о том, что он особенно рад этой встрече, потому что здесь учатся две Светочки, Молотова и Сталина, и их персонально он желает поприветствовать. И если первая из названных «Свет» с удовольствием прошествовала на сцену к гостю, то вторую, против ее воли, вытолкнула О.Ф. Леонова. Этого поощрения публичного сервизизма перед дочерьми первых лиц государства многие школьники не простили своей начальнице¹⁹.

С начала битвы за Москву эта школа, вместе с наркоматами и дипломатическим корпусом перебазировалась в Куйбышев. На новом месте еще резче стала проявляться ее элитарная обособленность. Светлана Сталина, на короткий срок навестившая Москву и отца в конце октября 1941 г., в своем мемуарном сочинении «Двадцать писем к другу» рассказала о том, как он воспринял ее рассказ об организации школьной жизни в эвакуации.

«Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?» — спросил он, не очень думая о своем вопросе. «Нет», — ответила я, — «там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их много очень», — сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: «Как? Специальную школу?» — я видела, что он приходит постепенно в ярость. «Ах вы!» — он искал слова попримичнее, — «ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик — подлец, это его все рук дело!...». Он был уже в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы. Он был прав, — приехала каста, приехала столичная верхушка в город, наполовину выселенный, чтобы разместить все эти семьи, привыкшие к комфортабельной жизни и «теснившиеся» здесь в скромных провинциальных квартирках... Но поздно было говорить о касте, она уже успела возникнуть и теперь, конечно, жила по своим кастовым законам. В Куйбышеве, где москвичи варились в собственном соку, это было особенно видно. В нашей «эмигрантской» школе все московские знатные детки, собранные вместе, являли столь ужасающее зрелище, что некоторые местные педагоги отказывались идти в классы вести урок. Слава Богу, я училась там лишь одну зиму и уже в июне вернулась в Москву»²⁰.

С 1 октября 1942 г. столичные школы возобновили свою работу в местах постоянной «прописки». Однако учебный год протекал тяжело. По данным Мосгорона на 1 апреля 1943 г. из планировавшихся 186 тыс. школьников обучением было охвачено только 172 тыс. К концу года осталось еще меньше. Причины отсева часто были трагическими: по болезни и смерти выбыли 2 775 детей, из них — 2549 учеников начальной школы; 234 ученика не могли посещать занятий из-за отсутствия обуви и одежды; 12 750 человек из-за крайне стесненных материальных условий были вынуждены пойти работать на предприятия

и в учреждения; 628 отказались от учебы из-за того, что взяли на себя заботы о младших братьях и сестрах; из-за острой потребности страны в рабочих кадрах 5719 человек были мобилизованы на фабрично-заводское обучение, а 95 — в действующую армию²¹.

Но и учившиеся подростки были заняты не только уроками: почти все старались, чем могли, помочь своей воюющей стране. У школ были подшефные госпитали, где ребята помогали в уходе за ранеными, писали под их диктовку письма родным, развлекали концертными номерами. 170 тыс. ребят в каникулы трудились в детских производственных мастерских, выпускавших самые разнообразные предметы повседневного обихода для фронтовиков, а многие, как например, учащиеся 189-й школы Свердловского района, на протяжении всего учебного года совмещали учебу с такой работой. По почину московских школьников в 1942/1943 учебном году был проведен сбор средств на организацию авиаэскадрильи и танковой колонны «Московский школьник»²².

Многие московские школьники вступили в добровольные тимуровские команды, которые оказывали регулярную помощь 2 тыс. семей красноармейцев: привозили на санках, рубили и кололи дрова, топили печи, утепляли к зиме и убирали квартиры, отоваривали карточки в магазинах, присматривали за маленькими детьми. Особое внимание уделялось сверстникам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию. Например, в 649-й школе ребята устроили воскресник: разгрузили и уложили 400 кубометров дров, а из заработанных 2.250 руб. составили фонд материальной помощи нуждающимся соученикам. Учащиеся 522-й школы полученную таким же образом сумму в 1500 руб. потратили на оплату завтраков своих малообеспеченных товарищей. Дети приходили на выручку детям и другими способами. Например, шестиклассники 235-й школы Дзержинского района взяли шефство над одноклассницей, мать которой погибла на фронте, а отец был инвалидом: они готовили этой неполной семье обед, стирали

белье, самой своей подруге помогали с уроками. А ученики четвертого класса 626-й школы Кировского района организовали поочередное дежурство при маленькой сестре своего товарища, мать которого находилась в больнице, благодаря чему мальчик не пропустил ни одного дня занятий. Безусловно, не оставались в стороне и родительские комитеты школ: матери учеников чинили белье, перешивали старую одежду и вскладчину приобретали новую для обездоленных детей²³.

Как на этом фоне выглядела 175-я школа? Благотворительные функции она осуществляла с размахом, но не детским, а взрослым. Родительский комитет здесь собирал крупные суммы денег, которых с лихвой хватало на покупку новой одежды и обуви для 144 детей фронтовиков, учившихся в школе, и даже для их младших братьев и сестер. Те же влиятельные родители организовали концерт мастеров искусства, который дал огромный сбор в размере 40 тыс. руб. На эти деньги были закуплены 150 путевок в санаторий Монино, которые покрыли потребности не только нуждающихся учащихся своей школы, но и некоторых из соседних школ²⁴. Еще один такой концерт намечался на 5 июня 1943 г., и опять—таки его готовили активные родительницы-общественницы — С.М. Шахурина и ее подруга Р.А. Рейзен, жена знаменитого баса Большого театра М.О. Рейзена. Однако этот концерт был сорван трагическим происшествием на Большом Каменном мосту 3 июня 1943 г.²⁵

Безусловно, 175-ю школу не могли обойти стороной и те кампании, в которые были вовлечены остальные школьники Москвы. Из показаний классной руководительницы 7 класса следствию по делу «Четвертая империя» можно выяснить, что и эта школа занималась сбором средств на самолет «Школьник», при чем ответственным за это мероприятие среди семиклассников был назначен Володя Шахурин. Тот вроде бы энергично взялся за дело, однако, узнав, что его класс по сумме собранных денег обошли шестиклассники, охладел к порученной работе и забросил

ее²⁶. Вряд ли такой бесславный финал был неожиданным. Оторванность подавляющего большинства учеников от бед и забот страны не мотивировала на то, чтобы исправно, без ожидания за это награды, вносить свою лепту в дело разгрома врага. Столь же мало эти ученики были готовы к нагрузке, которую брали на себя их обычные сверстники — в производственных мастерских, на предприятиях, в рамках тимуровского движения или же просто в бытовой помощи соученикам с трудными жизненными обстоятельствами. Да и скорее всего, прояви они такое желание, им попросту не позволили бы его осуществить.

7-й класс 175-й школы объединил учеников с громкими фамилиями. Здесь учились дружившие поначалу друг с другом девочки Светлана Молотова и Нина Уманская — дочь бывшего посла СССР в США, получившего в середине 1943 г. новое назначение в Мексику. А также мальчики — Феликс Кирпичников, являвшийся сыном зам. председателя Госплана СССР в ранге наркома, Артем Хмельницкий — сын генерал-лейтенанта и начальника Центральной выставки трофейного вооружения, Леонид Барабанов — сын начальника секретариата зам. Председателя СНК СССР А.И. Микояна, Леонид Реденс — сын свояка Сталина, высокопоставленного чекиста С. Реденса (репрессированного в 1938 г), Анатолий Борисов — сын начальника отдела Управления НКВД по охране особо важных предприятий, Ян Шмераль — сын видного деятеля Коммунистической партии Чехословакии. Были дети и светила медицинской науки — Ирина Бусалова, Петр Бакулев, Сергей Вишневский. В 6-м классе учился младший сын А.И. Микояна Серго, а в 8-м — его старший брат Ваню. Одноклассниками последнего были Володя Скрыбин, родной племянник Молотова, проживавший с 1940 г. с его семьей в Кремле, и сын авиаконструктора Володя Ильюшин.

Именно в эту среду предстояло окунуться Володе Шахурину — антигерою нашумевшей, практически детективной истории 1943 г.

1.2. Володя Шахурин в школе и дома

Володя Шахурин — единственный сын наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина и его жены С.М. Шахуриной, урожденной Лурье, родился в 1928 г., когда его отец еще не занимал высоких постов. В 1942 г., поздравляя сына с 14-летием, Софья Мироновна так описывала путь семьи со дня появления его на свет: «За твои 14 лет мы многое пережили! Учеба в институте, 1928 год, сентябрь месяц, начало учебы на втором курсе, крохотная комнатка на четвертом этаже в Лялином переулке, плетеная кроватка, и в ней крохотный “Вовик”, который с этого момента вошел и крепенько вошел в наш маленький дружный семейный коллектив. За эти 14 лет, Володик, ты вместе с нами окончил институт, рос вместе с нами, болел нашими болезнями, а мы твоими! Ты помогал папе в Ярославле, в Горьком, в его большой партийной работе. Ты, Володик, и сейчас очень много помогаешь папе, помогаешь, Володик, тем, что доставляешь много радости нам, бывали иногда и огорчения, но чаще всего радость за то, что у нас замечательный сын! Вот это чувство любви к тебе, огромное наслаждение сделать для тебя полезное, хорошее, прививать тебе лучшие человеческие и большевистские качества, вот это чувство помогает работать»²⁷. Разумеется, с начала семейной жизни в комнатке Лялина переулка за 14 лет утекло много воды: окончивший инженерно-экономический институт и делавший стремительную партийную карьеру (председатель Ярославского, а потом Горьковского обкомов партии) А.И. Шахурин обеспечивал семье неуклонно растущие номенклатурные привилегии, включая роскошные по меркам того времени квартиры, служебные дачи и автомашины, закрытые распределители. С получением им в начале 1940 г. поста наркома авиационной промышленности семья переехала в Москву, заняв просторную квартиру в 5-м Доме Советов, а точнее, в доме №3 улицы Грановского (быв. Романо-

ва переулка), где проживала высшая партийно-государственная элита.

При всех переменных в жизни семьи неизменной величиной в ней оставался культ сына. Инженер-текстильщик с высшим образованием Софья Мироновна не работала, а обеспечивала мужу крепкие тылы, в том числе взяв на себя все заботы по воспитанию сына. Ребенок часто болел и перенес операцию — это подвигало Софью Мироновну заводить знакомства в медицинском мире. Например, в круг людей, заглядывавших «на огонек» в квартиру Шахуриных, были самые авторитетные специалисты того времени — терапевт М.С. Вовси, хирург И.С. Жоров, директор Кремлевской поликлиники З.В. Климовицкая. В 10-летнем возрасте у мальчика прорезался интерес к музыке, в частности, к опере, и с тех пор Володя регулярно занимался на дому с педагогом по фортепиано. Затем он увлекся иностранными языками — и это увлечение получило всемерную поддержку со стороны матери. Как свидетельствовали общавшиеся с ним ровесники, Володя почти в совершенстве владел немецким языком, изучал самостоятельно английский и испанский. В седьмом классе он стал проявлять интерес к дипломатической работе. Мать с готовностью откликнулась и на эту склонность — в доме Шахуриных появились книги по истории дипломатии, а С.М. Шахуринна стала мечтать о будущей дипломатической карьере сына. Если бы в более старшем возрасте у него сформировались другие приоритеты, они с гарантией были бы ею поддержаны. Узнав после смерти сына, что он являлся руководителем «молодежной фашистской организации», она решительно не могла взять в толк, зачем ему это понадобилось. По фактам выходило, что при всех своих стараниях контролировать учебу, общение и даже круг чтения сына, она его мало знала, а он отстраивал и умело скрывал свою автономную часть жизни. Трагедия на Каменном мосту со всеми сопутствующими ей обстоятельствами обернулась для Софьи Мироновны не только безутешным материнским горем, крушением

надежд на блестящее будущее сына, но и полным провалом воспитательных усилий.

Однако первый тревожный звонок для нее прозвучал гораздо раньше — примерно за год до кончины сына, когда они жили в эвакуации в Куйбышеве. Там Володя сблизился с местной девочкой по имени Наташа (фамилию никто из очевидцев не мог вспомнить), которая была старше его двумя годами. Эта дружба встретила категорическое неприятие со стороны матери Володи, с формальной точки зрения, на основании дурной репутации и плохой успеваемости девочки. Однако с учетом того, что Софья Мироновна ни до, ни после не препятствовала дружбе сына с двоечниками не самого примерного поведения из «своего» круга, причиной немилости, скорее всего, являлась чужеродность Наташи той самой «проклятой касте», которая, по словам С. Сталиной, так наглядно обозначилась в Куйбышеве. Столкнувшись с непримиримой позицией матери, Володя подговорил Наташу и своего близкого друга Юрия Коренблюма на побег. В один из мартовских дней они втроем переправились на другой берег Волги и скрывались там целые сутки, т.е. достаточно долго, принимая во внимание их возраст, военные условия и холодную погоду начала весны. Обезумевшая от страха мать подняла на ноги городскую милицию, вся троица была найдена и передана в руки родителей. Этот эпизод идеально подпадал под реакцию эмансипации, или «опьянения свободой», характерную для подростков с регламентированным образом существования, после самовольной или же естественной отмены регламента. Как утверждают детские психологи, нередко «опьянение свободой» прокладывает путь к аддиктивному, т.е. саморазрушающему поведению, содействуя формированию пагубных зависимостей²⁸. Что касается Володи Шахурина, то его «праздник непослушания» дал ему первый опыт прорыва из будничной рутины в неподконтрольную никому, кроме него самого, иную реальность, опыт, не потерявший привлека-

тельной силы после водворения домой и резких выговоров родных и директора школы.

История с Наташей и побегом получила неожиданное продолжение в Москве. О ней новым одноклассникам поведала прошлогодняя свидетельница — ученица Галя Куйбышева. Огласка привела Володю в ярость, и он публично ударил Галю по лицу. Этот поступок возмутил учителей и многих школьников, в частности, Володю громко осуждала Светлана Молотова. Под большим давлением педагогов он извинился перед Галей, хотя, было очевидно, что не раскаялся. Ставшая известной в 175-й школе эскапада с побегом за Волгу и инцидент с Галей Куйбышевой серьезно подмочили Володину репутацию среди учителей и большей части учеников.

Правда, нельзя исключить, что это был не первый случай, когда он сталкивался с неприязнью то ли сверстников, то ли взрослых. На такую мысль наталкивает письмо А.И. Шагурина сыну от 1 августа 1941 г. В ответ на его запрос, как правильнее ему распорядиться собой в военное время (по свидетельству матери, он даже подумывал о том, чтобы поступить на фабрично-заводское обучение или завод)²⁹, отец настоятельно советовал учиться и развивать свои богатые природные задатки. При этом рисовал головокружительную перспективу их применения в послевоенное время: «После того, как мы разгромим фашизм... все народы, которые заживут тогда свободно и счастливо, будут с радостью принимать на английских островах и на землях чудесной Испании и Италии талантливого русского певца, представителя героического народа (уже не знаю, сколько раз орденоносца) Владимира Шагурина»³⁰. Вряд ли эта зарисовка «неба в алмазах» была чем-то иным, нежели неуклюжей родительской попыткой вытеснить из головы сына отрицательные суждения о себе, которые он мог слышать от учителей, знакомых взрослых или детского окружения. По словам американского детского психолога и психиатра В. Оклендер, подобные негативно окрашенные сообщения — так назы-